

РАЗДЕЛ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

УДК 330.101.54(420)

Жогина Милана Юрьевна

студент,

*Институт мировой экономики
и международных отношений,*

Байкальский государственный университет,

г. Иркутск, Российская Федерация,

e-mail: zoginamilana@xmail.ru

Научный руководитель: Рудяков Василий Анатольевич

кандидат экономических наук, доцент,

кафедра экономики предприятий

и предпринимательской деятельности,

Байкальский государственный университет,

г. Иркутск, Российская Федерация

АНАЛИЗ ПРОТИВОРЕЧИЙ ЦЕЛЕЙ И ИНСТРУМЕНТОВ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Аннотация. В статье анализируются классические противоречия макроэкономических целей государства и пути их практического разрешения на примере Великобритании. В сфере макроэкономики наиболее актуальными становятся дискуссии по вопросам стимулирования экономического роста, определения его основных направлений, активно обсуждаются оптимальные методы стабилизации уровня цен. Подобный интерес свидетельствует о необходимости взвешенного анализа и оценки современных факторов, определяющих достижение данных макроэкономических целей у активно растущих экономик, ориентированных на постиндустриальный этап развития. Актуальность подобного анализа обусловлена наличием на практическом уровне противоречий основных макроэкономических целей государства, которые характерны для практически каждой экономики мира. На основании подхода П. Э. Самуэльсона в статье рассмотрены вопросы об источниках возникновения противоречий: обусловлены ли они временными дисбалансами, ошибочными действиями регулятора или же это фундаментальное свойство самой экономической системы. В завершающей части представлены результаты анализа экономической политики Великобритании на основании концепции трилеммы Манделы-Флеминга.

Ключевые слова: макроэкономические противоречия, Brexit, экономический рост, экономическая эффективность, кризис, трилемма, инфляция.

Milana Yu. Zhogina
Student,
Institute of World Economy and International Relations,
Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: zoginamilana@xmail.ru

Scientific Supervisor: Vasilii A. Rudyakov
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Enterprise Economics and Entrepreneurship,
Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation

ANALYSIS OF THE CONTRADICTIONS BETWEEN THE GOALS AND INSTRUMENTS OF MACROECONOMIC POLICY USING THE EXAMPLE OF THE UNITED KINGDOM

Abstract. The article analyzes the classical contradictions among the macroeconomic objectives of the state and the ways of their practical resolution, using the United Kingdom as a case study. In the field of macroeconomics, discussions on stimulating economic growth and determining its main directions are becoming increasingly relevant, while optimal methods for price stabilization are being actively debated. This interest indicates the need for a balanced analysis and assessment of contemporary factors that determine the achievement of these macroeconomic goals in rapidly growing economies oriented towards the post-industrial stage of development. The relevance of this analysis is due to the presence, at a practical level, of contradictions among the main macroeconomic objectives of the state, which are characteristic of virtually every economy in the world. Based on the approach of P. A. Samuelson, the article examines the sources of these contradictions: whether they are caused by temporary imbalances, erroneous actions of the regulator, or whether this is a fundamental property of the economic system itself. The final part presents the results of an analysis of the UK's economic policy based on the concept of the Mundell-Fleming trilemma.

Keywords: macroeconomic contradictions, Brexit, economic growth, economic efficiency, crisis, trilemma, inflation.

Первостепенной целью экономики любого государства принято считать рост качества жизни населения и повышение его уровня, что достигается посредством стимулирования экономического роста, поддержанием полной занятости ресурсов, экономической эффективности и стабильного уровня цен [3]. Согласно подходу Пола Энтони Самуэльсона, на практике при реализации экономической политики максимизация всех целей невозможна: так краткосрочный «выигрыш» в таких переменных как экономический рост и полная занятость сопровождается ростом инфляции. Влияние оказывают и последствия глобализации: меры внут-

ренной политики (например, стимулирование экономического роста) незамедлительно воздействуют на внешние экономические параметры (валютный курс, торговый баланс), что провоцирует новые макроэкономические дисбалансы. Таким образом, реализация Парето-оптимальной политики ставится под сомнение, а саму макроэкономическую целевую функцию предлагается формировать по «принципу Нэша» – путем выбора лучшего из худшего. Самуэльсон не просто констатирует наличие конфликта макроэкономических целей, он объясняет их через концепцию «неоклассического синтеза» – в долгосрочном периоде рыночная экономика демонстрирует некую, пусть и ограниченную, способность к эффективному саморегулированию, однако в краткосрочной перспективе она склонна к циклическим колебаниям, что создает необходимость вмешательства государства [6, с. 312].

В качестве объекта анализа нами была рассмотрена политика Великобритании в период острых макроэкономических дисбалансов. Очевидно, что этот опыт представляет собой уникальный, наглядный пример для изучения посткризисной адаптации и структурных трансформаций. Brexit и геоэкономическая перестройка, противоречие монетарных целей из-за нестандартной инфляционной динамики в результате пандемии. При этом Соединенное Королевство остается высокоразвитым постиндустриальным государством – 6-я экономика мира по объему ВВП по ППС по состоянию на конец 2025 года [13].

Прежде всего, это сложная адаптивная система, общая стабильность которой была достигнута не столько достижением равновесия, а «примирением» постоянно конкурирующих макроэкономических целей. Наличие подобного примера обуславливает изучение аналогичных экономических тенденций через призму противоречий и дает наиболее глубокое понимание современных развитых экономик.

Для проведения анализа нами был рассмотрен период с 2017 по 2021 год. Он является наиболее нестабильным, так как характеризуется сразу несколькими макроэкономическими шоками, указанными выше. Рассмотрим их подробнее.

Официальный выход Великобритании из Европейского союза (Brexit) 31 января 2020 года в результате референдума, целями которого являлись сохранение и укрепление национального суверенитета (британцы стремились вернуть контроль над законодательством и границами), создание более выгодных торговых соглашений с другими странами без высоких взносов в бюджет союза, а также переориентация торговли с Европы на быстрорастущие зарубежные рынки [2]. Однако, все это в том числе привело к негативным экономическим последствиям из-за утраты свободного доступа к европейскому рынку и создания торговых барьеров.

Первым последствием стало сокращение инвестиций в бизнес из-за высокого уровня неопределенности и, как следствие, сокращения горизонта планирования. Компании откладывали инвестиции или вовсе отказывались от них в условиях неясных перспектив [4]. Согласно исследованию Банка Англии, к концу 2019 года деловые инвестиции в Великобритании снизились на 11 %, по сравнению с показателями, прогнозируемыми в сценарии без проведения референдума.

Во-вторых, наблюдался рост инфляции с 1,8 % до 2,6 %, при этом, как отмечают эксперты, заработные платы британцев в тот период выросли всего на 2,2 % [12]. Это привело к падению реальных располагаемых доходов населения и потребительской уверенности при сжатии инвестиционной активности – классические факторы шока спроса.

В следующий период британские компании, которые были интегрированы в глобальные цепочки поставок и считались наиболее технологически продвинутыми потеряли свою привлекательность на мировом рынке: вместо наращивания инновационной активности бизнес тратил средства на то, чтобы выжить и адаптироваться к новым правилам игры. Хотя формальный выход из ЕС состоялся 31.01.2020, а переходный период длился до 31.12.2020, основные экономические издержки новой торговой модели проявились в 2021 году: из-за таможенных деклараций, двойного тестирования и сертификации продукции как экспортеры, так и импортеры столкнулись с дополнительными сложностями. Согласно исследованиям британских экономистов, к середине 2021 года объем товарооборота между Великобританией и ЕС сократился примерно на 15–20 % по сравнению с трендом, существовавшим в рамках единого рынка [8]. Торговля с другими странами, на фоне устойчивого снижения экспорта и импорта из ЕС, не продемонстрировала компенсирующего роста, конкурентоспособность ключевых секторов британской экономики была снижена.

Рассмотрим экономику Великобритании накануне пандемии. Она находилась в состоянии иллюзорной стабильности: положительный, но незначительный рост ВВП (около 1–1,5 % в год), исторически низкий уровень безработицы (3,6 %), близкая к целевому уровню Банка Англии инфляция. Однако под видимой экономической устойчивостью накапливались серьезные структурные дисбалансы, что делало всю систему уязвимой к любому шоку. Сказывались доминирование сферы услуг (около 80 % ВВП), высокая зависимость от международных финансовых потоков и туризма, давняя проблема низкой производительности труда [2].

Экономическим результатом пандемии стали первичный шок предложения из-за локдауна и последующий обвал совокупного спроса: принудительная остановка целых секторов экономики (гостиничный бизнес, рестораны и т.п.), резкое падение потребительских расходов из-за глобального закрытия точек потребления, резкий рост безработицы и сбережений из мотива предосторожности, коллапс инвестиционного сектора в условиях полной неопределенности, падение экспорта услуг (финансовых, туристических, образовательных). Сложившаяся экономическая обстановка в стране сопровождалась резким ростом государственных расходов на меры поддержки: программа сохранения рабочих мест, гранты для бизнеса, увеличение пособий [8]. Резкое снижение экономической активности в стране спровоцировало многократное падение налоговых поступлений в государственный бюджет, что стимулировало его скорейшее истощение. Так в 2020/2021 финансовом году комбинация этих факторов привела к рекордному дефициту госбюджета Великобритании (до 15 % ВВП) и стремительному росту государственного долга.

Не смотря на общий прирост основных показателей (ВВП, ВВП), в период 2017–2021 гг. экономический рост Великобритании находился под воздействием сразу нескольких факторов – последствий выхода из Европейского Союза, COVID-19.

Макроэкономические показатели Великобритании за 2017–2021 гг.*

Макроэкономические показатели	2017	2018	2019	2020	2021	Итого
1. ВВП, трлн	2,7	2,9	2,9	2,7	3,1	14,3
2. ВВП, трлн	2,7	2,8	2,9	2,6	3,2	14,2
3. Уровень безработицы	4,5	4,1	3,6	4,5	4,8	–
4. Уровень инфляции	2,6	2,3	1,7	1	2,5	–

*Источник: [13].

Государство активно стремилось стимулировать экономическую активность через фискальные меры, поддержку частного сектора и развитие инноваций. Эти действия олицетворяют взаимодополняемость таких макроэкономических целей как полная занятость ресурсов и экономическая эффективность, поскольку правительство активно стимулировало производственный сектор и повышало деловую активность. Однако быстрые темпы восстановления экономики спровоцировали классические последствия: рост инфляции и дефицит государственного бюджета, что и вступило в противоречие со стабильным уровнем цен [10].

Необходимо отметить, что в анализируемый период Великобритания, столкнувшись с классической макроэкономической дилеммой, усугубленной двумя шоками, проводила политику, в прямом смысле не разрешающую само противоречие. Правительство «управляло» им, выбирая направления, цели и задачи, имеющие первостепенную важность в конкретный момент времени. Так после референдума по Brexit Банк Англии и Правительство оказались перед сложным выбором: бороться с инфляцией, превышающей целевой уровень, повышая процентные ставки, или поддержать экономический рост, продолжая стимулирующую политику.

Согласно проводимой денежно-кредитной политике, приоритетной целью стало поддержание экономического роста [4]. Несмотря на инфляцию, достигшую пика в 3,1 % в ноябре 2017, Банк лишь однократно поднял ставку с 0,25 % до 0,5 % в ноябре 2017 и до 0,75 % в августе 2018. Это было крайне осторожное ужесточение. По словам бывшего главы Банка Англии Марка Карни подобное решение обусловлено следующим: инфляция рассматривалась как временный, импортный шок, а риски для роста и занятости считались более существенными. Поэтому было допущено временное превышение инфляции над целевым уровнем.

нем. Во-многом, на наш взгляд, это было оправдано проявлением косвенных признаков инфляции предложения, о чем свидетельствует однонаправленность изменения темпов инфляции и уровня безработицы (см. таблицу).

Таким образом, краткосрочная дилемма была решена в пользу роста. Однако структурные проблемы (низкая производительность, зависимость от импорта) не были устранены, что заложило уязвимость для будущих шоков.

Далее (2020 – середина 2021) мы также наблюдаем полное доминирование цели поддержки роста экономики, при этом пандемия спровоцировала ключевые риски – глубокая депрессия и дефляционная спираль, благодаря чему цель стабильности цен временно трансформировалась в цель недопущения дефляции. Банком Англии ключевая ставка была снижена до исторического минимума 0,1 % (март 2020). Одновременно с монетарными мерами активно проводилась фискальная политика, а конкретно – программа сохранения рабочих мест (Coronavirus Job Retention Scheme), гранты бизнесу, увеличение социальных выплат [10].

Проводимая политика дала свои плоды – глубокий экономический спад 2020 года (–11 %) сменился бурным восстановлением (ожидался рост ВВП в 2021 на 7,5 %). Несмотря на тот факт, что 2020 год стал для страны олицетворением самого большого спада экономики с 1709 года, приоритетная макроэкономическая цель все же была достигнута, хоть и ценой резкого роста государственного долга. Однако, по мнению экономистов, комбинация сверхмягкой денежно-кредитной политики, фискальных стимулов и накопленных сбережений домохозяйств создала массивный инфляционный потенциал для дальнейших периодов [4].

К середине 2021 года проявились последствия политики предыдущего этапа, усиленные новыми шоками. По мнению британских экономистов первым последствием стал перегрев спроса: накопленные сбережения вызвали всплеск потребительских расходов [2]. В дальнейшем глобальные разрывы цепочек поставок, усугубленные Brexit (рост торговых издержек с ЕС), спровоцировали шок предложения. Главным последствием стала инфляция, она не только вновь перешагнула целевой уровень Банка Англии, но и перестала быть импортируемой и временной, став широкой, внутренней и устойчивой. Подобные экономические шоки требовали немедленного ужесточения денежно-кредитной политики, что и сделал Банк Англии: приоритетом была объявлена борьба с инфляцией, даже ценой замедления экономического роста. К декабрю 2022 ставка была повышена до 3,5 %. Попытка Правительства Лиз Трасс (сентябрь 2022) простимулировать рост через снижение налогов при высокой инфляции была воспринята общественностью как угроза экономической стабильности на макроуровне: 23 сентября курс британского фунта на международном рынке упал ниже отметки \$1,12 впервые с 1985 года [14]. «Фунт упал в ожидании новых данных о снижении налогов и энергетических субсидиях в Великобритании. Власти страны намерены таким образом бороться с замедлением экономики и заоблачно высокой инфляцией» – сообщало британское информационное агентство Reuters.

Сложившуюся экономическую обстановку в Великобритании мы считаем ярким примером попытки адаптации к последствиям противоречия основных

макроэкономических целей государства, но не полным их разрешением, так как попытка стимулировать экономический рост в условиях инфляции привела к финансовой нестабильности. На наш взгляд, выбор таких инструментов экономической политики и ее приоритетов является наглядной иллюстрацией макроэкономической трилеммы Манделлы-Флеминга. Она заключается в невозможности одновременного достижения государством трех целей: стабильности национальной валюты (фиксированный обменный курс), свободного движения капитала и независимой денежно-кредитной политики [11]. По мнению Р. Манделлы и М. Флеминга, компромисс неизбежен, и «цена» этого выбора так или иначе будет отражаться на состоянии национальной экономики [1, с. 447].

Очевидно, в нашем случае стратегическим решением Великобритании стало обретение полного макроэкономического суверенитета – Brexit. Лондон последовательно отказывался от наднациональных механизмов регулирования, стремясь вернуть контроль над ключевыми рычагами управления экономикой [9]. К 2019–2021 годам новая экономическая модель была зафиксирована окончательно, что предопределило последующие события. С одной стороны, отдав приоритет независимой денежно-кредитной политике и свободному движению капитала, Великобритания сохранила за собой статус глобального финансового центра: Лондонский Сити оставался открытым для мировых финансовых потоков, а движение капиталов через границы – полностью свободным. Вместе с тем Банк Англии восстановил исключительное право на проведение денежно-кредитной политики и выбор ее инструментов, получив возможность устанавливать процентные ставки преимущественно на основании внутренних потребностей британской экономики, без согласования решений с Европейским центральным банком и правилами ЕС [12]. Однако суверенитет имел свою цену – расплатой стал отказ от третьего элемента трилеммы – стабильности валютного курса. Выход из Единого рынка и Таможенного союза лишил британцев тех механизмов глубокой экономической интеграции, которые ранее обеспечивали относительную предсказуемость фунта стерлингов [10]. Курс утратил механизмы административной поддержки, его динамика зависела от конъюнктуры финансовых рынков.

Мы считаем, что именно эта комбинация – свободное движение капитала в сочетании с независимой монетарной политикой и отказа от фиксированного курса – сделала кризис осени 2022 года не случайностью, а закономерным исходом. Когда правительство Лиз Трасс приняло решение о масштабных незапланированных налоговых послаблениях (мини-бюджет Квартенга) для «перезарядки» экономики, рынки мгновенно отреагировали падением доверия. В условиях свободного движения капитала и открытых границ для финансовых потоков инвесторы получили возможность молниеносно вывести средства из британских активов, бегство капитала носило лавинообразный характер: продажа государственных облигаций обрушила их цену, их доходность возросла до критических уровней, а последовавшая массовая продажа фунта привела к его историческому падению. В то же время снижение налогов с одновременным повышением госу-

дарственных расходов сделало новые обязательства неподъемными для британского бюджета, о чем предупреждали премьера экономисты [14]. Если бы фунт был привязан к евро или доллару, Банк Англии был бы обязан любой ценой поддерживать его на заданном уровне, посредством валютных интервенций – продавать доллары из национальных резервов и скупать фунты. Но в нашем случае в условиях плавающего курса такая возможность отсутствует – рынок остается один на один с паникой инвесторов, и падение курса становится неизбежным [7, с. 372].

Рассмотрим другую альтернативу трилеммы: Великобритания также сохраняет полный контроль над процентными ставками (независимая монетарная политика) и фиксирует курс фунта, привязывая его к евро или доллару. Но в данном случае придется жертвовать свободным движением капитала и перекрыть его переток через границы: чтобы инвесторы не зарабатывали на разнице курсов, правительство должно ввести валютные ограничения (на вывоз капитала, на покупку иностранных активов, на репатриацию прибыли). С точки зрения кризиса 2022 года этот вариант, на первый взгляд, имеет меньше отрицательных последствий: даже при панике инвесторов курс национальной валюты стоял бы на месте, т.к. правительство запретило массовый вывод денег, из-за отсутствия возможности быстрого вывода капитала – никакой паники на рынке облигаций, предсказуемость для бизнеса из-за точности курса [5, с. 661].

Тем не менее, выбор данной альтернативы означал бы смерть Лондонского Сити – финансового сектора Британии (по оценкам экспертов, это 10–12 % ВВП и колоссальные налоговые поступления в бюджет) [12]. Это добровольный выбор международной финансовой изоляции для развитой экономики: так как финансовый сектор основан на свободном движении капитала, введение ограничений финансовых потоков убивает эту модель мгновенно, что спровоцирует бегство капитала еще до введения ограничений из-за ухода инвесторов [7, с. 376].

По нашему мнению, целесообразным решением для Великобритании являлся выбор стабильного валютного курса и свободного движения капитала: Лондонский Сити остается мировым финансовым центром, фунт стерлингов фиксирован из-за привязки к евро (как датская крона) или членства в ЕС. Неизбежным становится отказ от независимой денежно-кредитной политики: если Европейский центральный банк поднимает/снижает ставки, Банк Англии обязан поступить аналогичным образом, даже если этот инструмент не подходит для национальной экономической ситуации (например, Банк Англии будет снижать ставку даже при инфляции вслед за ЕЦБ). С точки зрения кризиса 2022 года это альтернатива с наименьшими экономическими последствиями: обвал фунта 2022 года невозможен, так как курс зафиксирован, высокое доверие инвесторов из-за минимального риска девальвации, доходность по облигациям была бы близка к ставкам ЕЦБ, стабильна и предсказуема. Правила ЕС были бы внешним «якорем дисциплины» для Великобритании, скандальный мини-бюджет Трасс был бы невозможен, так как сразу нарушил бы фискальные правила еврозоны, рынки заставили бы правительство отступить еще до кризиса. Также можно рассмотреть

вариант «мягкого брексита» по модели Норвегии и Швейцарии: принимаются почти все правила ЕС по товарам, которые идут через границы без пошлин и проверок, оплата взносов в бюджет ЕС (по примеру Норвегии) или отсутствие общего соглашения с ЕС, с наличием множества отраслевых договоров. Так у Британии появлялся похожий путь: остаться в Едином рынке (или его части), но формально выйти из ЕС, за данную концепцию и боролись те, кто хотел минимизировать экономический ущерб. При сохранении тесной связи с ЕС британцы гипотетически могли пожертвовать национальным суверенитетом ради экономической предсказуемости. Но в нашем случае выбор приоритетов экономической политики был обусловлен не только экономическими, но и социальными, и политико-идеологическими факторами. Brexit был представлен под лозунгом «Вернем себе нашу страну!», и решение отдать контроль над монетарными механизмами и законодательством становится неприемлемым [7].

Анализ проводимой экономической политики Правительства и монетарных инструментов Банка Англии показал, что при невозможной максимизации всех макроэкономических целей, британцы стали современным примером адаптации к последствиям противоречий, но не полным их разрешением. Рассмотренные альтернативные сценарии демонстрируют, что у Великобритании был иной путь, способный минимизировать макроэкономические потрясения, но его реализация была невозможна по неэкономическим причинам. Brexit стал редким примером того, как политические приоритеты в некоторой мере берут верх над экономической целесообразностью, а финансовая нестабильность выступает платой за суверенное право принятия решения.

Список использованной литературы

1. Aizenman J. The «Impossible Trinity» Hypothesis in an Era of Global Imbalances/ J. Aizenman, M. D. Chinn, H. Ito // *Measurement and Testing*, 2008.
2. Бельчук А. И. Проблемы и особенности проведения «Брексита» / А. И. Бельчук, Е. А. Литвинов, Ю. А. Савинов, Л. В. Сабельников // *Российский внешнеэкономический вестник*. – 2019. – № 12. – С. 22–30.
3. Бланшар О. Макроэкономика / О. Бланшар ; пер. с англ. – 2-е изд. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. – 672 с.
4. Горюнов Е. Итоги «Брексита»: макроэкономические риски / Е. Горюнов, А. Киюцевская, П. Трунин // *Экономическое развитие России*. – 2016. – Т. 23, № 7. – С. 47–49.
5. Манделл Р. А. Теория оптимальных валютных зон // *Вехи экономической мысли*. Т. 6: Международная экономика / Р. А. Манделл ; под ред. А. П. Киреева. – Москва: ТЕИС, 2006. – С. 62–77. (Пер. изд.: Mundell R. A. A Theory of Optimal Currency Areas / R. A. Mundell // *The American Economic Review*. – 1961. – Vol. 51, No. 4. – P. 657–665).
6. Самуэльсон П. *Economics: An Introductory Analysis* / П. Самуэльсон. – New York: McGraw-Hill Book Company, Inc., 1948. – 622 с.

7. Флеминг Дж. М. Внутренняя финансовая политика при фиксированном и плавающем курсах // Вехи экономической мысли. Т. 6: Международная экономика / Дж. М. Флеминг ; под ред. А. П. Киреева. – Москва: ТЕИС, 2006. – С. 78–93. (Пер. изд.: Fleming J. M. Domestic Financial Policies under Fixed and Floating Exchange Rates / J. M. Fleming // Staff Papers (International Monetary Fund). – 1962. – Vol. 9, No. 3. – P. 369–380).

8. Ананьева Е. В. Брекзит: причины, политический фон, последствия / Е. В. Ананьева // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/brekzit-prichiny-politicheskiy-fon-posledstviya> (дата обращения: 01.02.2026).

9. Благовещенский Р. И. Итоги референдума в Великобритании: причины победы евроскептиков / Р. И. Благовещенский // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2017. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/itogi-referenduma-v-velikobritanii-prichiny-pobedy-evroskeptikov> (дата обращения: 10.02.2026).

10. Пехтерева Е. А. Феномен Брексита: что изменилось для экономики Великобритании / Е. А. Пехтерева // Социальные новации и социальные науки. – 2022. – № 2 (7). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-breksita-cto-izmenilos-dlya-ekonomiki-velikobritanii> (дата обращения: 24.02.2026).

11. Согомонян Х. Т. «Невозможная троица» монетарной политики в условиях финансовой глобализации / Х. Т. Согомонян // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2013. – № 25. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nevozmozhnaya-troitsa-monetarnoy-politiki-v-usloviyah-finansovoy-globalizatsii> (дата обращения: 01.02.2026).

12. Evaluating Brexit's Economic Impact: A Financial and Statistical Analysis of the UK's Economy [Электронный ресурс] // Penn State Honors Theses. – 2024. – URL: <https://honors.libraries.psu.edu/catalog/9539cbf5353> (дата обращения: 17.02.2026).

13. World Bank. United Kingdom: Development news, research, data [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2026. – URL: <https://www.worldbank.org/ext/en/country/unitedkingdom>, свободный. (Дата обращения: 03.02.2026).

14. «Авантюра провалилась»: падение фунта стерлингов связали с реформами Лиз Трасс [Электронный ресурс] // Газета.Ru. – 2022. – 24 сентября. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/09/24/15512101.shtml>, свободный. (Дата обращения: 11.02.2026).